

ЕЛЕНА
БОДРОВА

ИМИТАЦИЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 75

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Орехова

Бодрова Е.

Б 75 Имитация : роман / Елена Бодрова. —
СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА,
2026. — 288 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-31143-5

Илья Королев — обычный девятнадцатилетний парень, студент консерватории. У него есть друг, возлюбленная, семья, увлечения. Больше всего на свете Илья любит играть на фортепиано, хотя понимает, что пианиста-виртуоза из него, скорее всего, не получится. Нормальную, в общем-то, жизнь Ильи омрачают разве что два воспоминания — о том, как в детстве он потерялся в зеркальном лабиринте в парке аттракционов, и о том, как пропал без вести его отец. Однажды Илье попадается конфета с загадкой на внутренней стороне обертки, и эта случайность внезапно запускает череду странных событий. Илье все отчетливее кажется, что на самом деле он — это кто-то другой, что он играет чью-то роль. Ему снятся кошмары, мать и сестра ведут себя так, словно он нездоров. Сможет ли Илья принять пугающую правду о себе?

«Имитация» — неожиданное сочетание истории взросления и психологического триллера, временами пугающее своей сновидческой ирреальностью и правдоподобием одновременно. Ты — не тот, кем кажешься.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Е. Бодрова, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31143-5

Фуга (*лат.* fuga — бег; от fugere — бежать, убежать) — композиционная техника и форма полифонической музыки, где общая мелодическая линия многоголосного произведения «перебегает» из одного его голоса в другой. В фуге несколько голосов, каждый из которых повторяет (имитирует) тему.

Имитация (от *лат.* imitatio — подражание) — полифонический прием, в котором после изложения темы в одном голосе она повторяется в других голосах. Первоначальный голос называется *пропоста* (от *ит.* proposta — предложение), имитирующий голос — *риспоста* (от *ит.* risposta — ответ). Риспост может быть несколько, в зависимости от количества голосов.

I. Пропоста

(Голос, который впервые
излагает тему)

* * *

Тот самый день. Суббота. День, когда я исчез.

Мне восемь. Я вижу зеркала. Они переливаются, как ртуть, они гнутся, они мягкие.

Я оглядываюсь, но папы нет. Я сжимаю билет с красными цифрами — похож на трамвайный. Очередь движется, я делаю два маленьких шага, таких, что впереди остается место еще для одного мальчика. Папы нет. Он сказал, что вернется сейчас же. Меня подталкивают в спину. Делаю еще полшага. Впереди — стены зеркального лабиринта. Мое отражение перекачивается в них — от смешного до чудовищного и обратно. Стены уже можно потрогать. И рука билетерши совсем близко. Откуда-то справа пахнет пончиками и горячим маслом.

Слышу свое имя и оглядываюсь. Папы нет. Слышу имя снова — оказывается, зовут другого мальчика, постарше. Он толстый и в веснушках. Рядом со мной кто-то хихикает

и закашливается от этого хихиканья. В зеркальной, извивающейся от ветра стене лабиринта я вижу девочку — это она хихикала. Ее зубы растут, вытягиваются, превращаются почти что в костяной забор.

Костяной забор.

— Костя! — слышу я снова. И вдруг понимаю, что это не мое имя. Почему я думал, что позвали меня? Ведь мое имя — другое. Оно...

Хочется плакать. Я оборачиваюсь в третий раз, но папы все еще нет.

Сколько-то минут назад папа сказал мне:

— Смотри: будешь вон за тем парнем. Понял? — и всунул билет в пальцы. Я сжал его, чтобы не потерять, — почти смял. Папа еще раз показал на высокого парня: — Вон тот. Тот. Видишь? ТОТ.

И несколько раз проткнул воздух пальцем. Я кивнул.

— Встань за ним в очередь и стой. Куплю пива и вернусь. Я быстро.

Так он сказал.

Я снова оглянулся и в этот момент билетерша забрала мой билет — вытянула из влажных пальцев — и оторвала корешок. Она улыбнулась мне желтыми зубами.

Билетерша легонько подтолкнула меня ко входу в лабиринт, и мне вновь захотелось плакать. Отчаянно тянуло вернуться, подождать папу. Но я знал, что он тогда скажет. Или почти знал. Он, наверное, скажет, что

я струсил. И я испугался, что услышу это слово, почти вопрос:

— Струсил?

Свистящее и узкое, как воздух в щели между зубами, слово. И разочарование в глазах.

Я шагнул в лабиринт с тем парнем, которого папа велел мне держаться.

Я шагнул и увидел в стене лабиринта свое перекошенное лицо. Я плачу? Или это зеркало изогнулось? Потрогал лицо и не мог понять. Взглянул в другое зеркало. Там я смеялся. Я поднес руку к губам, чтобы проверить, потрогать. Смотрел в зеркало и не мог нащупать губ. За спиной моей стоял тот парень и улыбался. Я оглянулся. Он улыбался и в жизни, не только в зеркале.

Он назвал меня по имени. Не Костей.

«Мое имя», — подумал я, но тут же забыл его звучание.

За спиной того парня, в отражении, я увидел свое лицо, и оно...

* * *

Резко сел на кровати. Еще темно, но так, голубо-темно. Раннее утро. Его легко научиться отличать от ночи, если почти каждый день тебе к первой паре.

Спустил ноги на пол — холодно. Нащупал тапки.

И вспомнил, отчего проснулся: снова тот сон. От него остается гнетущее впечатление

всякий раз на полдня, потом как-то само собой рассасывается. Надо подождать.

Поднялся, натянул футболку и лишь после этого взглянул на часы. Ого! Только полшестого. К концу учебного дня буду как вяленая помидорина.

Когда я вышел в коридор, стараясь ступать бесшумно, появилась сонная мама:

— Илюша, почему не спишь?

Она всегда меня слышит, даже когда меня не слышно.

— Проснулся, — не очень вразумительно ответил я, и ей пришлось тоже просыпаться, чтобы приготовить мне завтрак.

Она провела ладонью по лбу, снимая остатки сна, и прошлепала резиновыми тапками на кухню.

* * *

— Я сочинил тему. Думаю, сегодня на уроке, когда спросят, сыграю, — сказал Гена.

Мы поднимались по лестнице на третий этаж, в тридцать шестой кабинет — на полифонию.

— Я даже две сочинил, но вторая так себе, — продолжил он. — Первую сыграю.

Гена толстоват. Даша говорит, что у него глаза навывкате и он сильно потеет. Может быть. Я не обращаю внимания на такие вещи. Мне просто кажется, что он все время как будто недоумевает — такие у него глаза. А Даша почему-то постоянно сравнивает его со мной.

Потому что мы с Геной друзья? Она говорит, что я стройный, а Гена толстый. Говорит, что Гена болтливый, а я спокойный. Сам же я считаю, что спокойный и молчаливый — это разные вещи.

Мы с Геной усаживаемся на свое обычное место — второй ряд, вторая парта. На доске написано определение имитации: «полифонический прием, в котором после изложения темы в одном голосе она повторяется в других голосах. Первоначальный голос называется *пропоста*, имитирующий голос — *риспоста*. Риспост может быть несколько, в зависимости от количества голосов».

Полифонию я люблю. Покряхтывая, входит Юрий Васильевич. Он, когда ходит, почти не подымает ноги, и получаются не шаги, а пошаркивания. И еще у него трясется голова, когда он объясняет основы полифонии. У Юрия Васильевича есть ноутбук — он носит его на каждый урок и всякий раз очень медленно достает из чехла, похожего на школьный мешок для сменной обуви. А может, это и есть школьный мешок для сменной обуви. Пока включит ноутбук, пока эта устаревшая машина загрузится, можно уснуть. На первой парте Таня корчит рожи под названием «Щас усну!» своей соседке.

Юрий Васильевич втыкает штепсель в розетку и поворачивает ноутбук экраном к нам. Сам прошаркивает в проход между рядами и слегка приседает, чтобы оказаться на

одном уровне с нами и понять, не отвечает ли.

Юрий Васильевич — мой любимый преподаватель.

— Посмотрим пример полифонии в балете, — говорит он.

Таня и Вера медленно выпрямились. Гена не терпится сыграть свою тему, и он елозит на стуле. А мне интересно. Юрий Васильевич несколько раз щелкает мышкой, но не сразу попадает по нужному ярлыку.

— «Спартак» Арама Хачатуряна, — объявляет он, и запись, уже запустившаяся, частично заглушает его голос.

После просмотра балета Юрий Васильевич рассказывает нам о фуге:

— Слово «фуга» переводится как «бег» или «бегство». Названа она так потому, что музыкальная тема перебегает из одного голоса в другой. Как если бы одну и ту же песенку напевала вся ваша семья: сначала дедушка басом, затем папа тенором, а потом и мама — высоким голосом. А ваша задача, ребята, — говорит он нам и поочередно глядит на каждого, — сочинить для начала музыкальную тему. Без темы не бывает музыки. Тема — душа произведения.

Гена открыл тетрадь на той странице, где неровным, прыгающим почерком карандашом выведена мелодия, и с готовностью взирает на преподавателя. Но звенит звонок.

— На следующее занятие можете принести свои наработки, посмотрим, поиграем, —

заканчивает Юрий Васильевич, кивает, разворачивает к себе экраном ноутбук и начинает щелкать мышкой, чтобы его выключить.

Мы выходим из кабинета, попрощавшись с преподавателем.

* * *

За ближайšie полгода, к следующей сессии, каждому из нас нужно сочинить фугу, и Гена уже принялся за дело с обычным для него энтузиазмом увлеченного дошкольника. Мы взяли ключ от свободного музыкального класса с потрепанным пианино, чтобы Гена сыграл мне свою тему.

— Будешь конфету? — Он вытаскивает замусоленную конфету из кармана штанов, и я хочу отказаться, но вижу, что это за конфета. Той фабрики, где работал мой отец. Он заведовал оберткой — печатал ее на станке.

Я беру конфету. Думаю кинуть в портфель, но отчего-то сам себя не слушаюсь и разворачиваю.

У папы было глупое увлечение. Так об этом говорила мама: «глупое увлечение». Я не считал его глупым. Мне было десять, когда папа пропал. Я не считал его увлечение глупым ни тогда, ни сейчас, когда мне вот-вот исполнится девятнадцать. Он любил в фантиках...

— Боже, — шепнул я. Гена удивился и посмотрел на конфету в моих пальцах. Но дело было не в самой конфете.

...любил в фантиках оставлять загадки. Сам их придумывал и печатал на внутренней стороне — не на всех обертках, а только на некоторых. Ему нравился элемент случайности: никогда не знаешь, кому попадет конфета с загадкой. Но проблема в том, что...

— Какие-то слова, — говорит Гена. — А, это как печенье с предсказанием?

— Это загадка, — произношу я беззвучно. В горле пересохло, и у меня не получается родить звук.

— Загадка?

...проблема в том, что, кроме папы, на фабрике никто такими штуками не баловался.

А папа пропал без вести девять лет назад.

— Чего-чего? Ну-ка. — Гена отбирает у меня фантик и сбивчиво читает вслух: — «На скале нас было двое. Со скалы упали оба. Тот разбился, а я остался». Что за чушь?

* * *

— Вот. Только у меня фуга будет в медленном темпе. Так можно, как считаешь? Слово «фуга» же переводится как «бег». А бег ведь не бывает медленным. Ну, только в кино, в замедленной съемке. Вот и думаю теперь: может, указать быстрый темп?

«Конфета с прошлых партий? С партий, выпущенных девять лет назад?» — размышляю я и вдруг замечаю Генин взгляд.

— Ты не слушал, что ли?

— А...

— Понятно. Опять о Лерке мечтаешь?

— Что? Нет.

Кажется, я краснею, но Гена и так все про меня знает.

— О ней мечтаешь, — убежденно говорит он, а мне даже возразить нечего, хоть он и не прав. Я еще больше краснею. — Нравится Лера, а встречаешься с Дашей. Не понимаю тебя.

— Лучше помоги с загадкой, — достаю из кармана фантик от конфеты — просто чтобы отвлечь его от нелепых попыток учить меня жизни. У Гены никогда не было девушки, а у меня она есть.

— Тот — это египетский бог.

Гена уже, оказывается, забрал у меня фантик, пока я размышлял, и сейчас внимательно вчитывался в него.

— Только я не помню, чтобы он разбился.

«Или папа напечатал загадки на обертках впрок?»

Я забрал у него фантик. Стал всматриваться в мелкий шрифт. Состав, масса, калории... Вот, нашел.

— Две тысячи девятнадцатый год.

— Ну да, — кивнул Гена обиженно. — Думал, я тебя просроченной конфетой угощаю?

— Египетский бог?

— Да, Тот.

Гена вытащил из кармана смартфон с треснутым дисплеем и почти тут же зачитал:

— «Древнеегипетский бог мудрости, знаний, Луны, покровитель библиотек, ученых, чиновников, государственного и мирового порядка. Является одним из самых ранних египетских богов». С головой ибиса.

— Ибис?

— Птица такая с длинным клювом, вот. — Гена показал мне картинку на смартфоне: типичная фигура египетского бога с головой и ногами в профиль, а торсом анфас. Зеленая птичья голова, в руках палка со странным окончанием и что-то похожее на крест.

— Посох и анкх, — поправил меня Гена с укоризненным видом, как будто не зная, что означает «анкх», — преступление. — Анкх — узел жизни, или бант жизни, или ключ Нила.

— Не определились?

— Это такой символ. Означает все это вместе, — с лицом профессора разъяснил Гена, хотя сам узнал об этом только что из Википедии.

— Покровитель библиотек, значит?

— Странная загадка. «Тот разбился, а я остался». В каком смысле он разбился? И кто остался?

Мне вдруг все это надоело. Египетские боги, ибисы, Википедия. Это не имеет никакого отношения к загадке отца. И откуда она только взялась через девять лет после...

— Мне надо к покровителю библиотек, — сказал я, собираясь уйти, но Гена увязался со мной.

Мы поднялись на четвертый этаж в читальный зал — Гена пыхтел. Я взял «Хорошо темперированный клавир» Баха: решил проанализировать фуги, считающиеся эталонными, прежде чем сочинять свою. Когда мы наконец вышли из консерватории, начало темнеть, и я вдруг вспомнил, что договорился встретиться с Дашей у общаги. С Генной мы распрощались, он пообещал узнать все о боге Тоте, я попросил его не делать этого, — и разошлись в разные стороны: я пешком вверх, Гена на трамвайную остановку вниз.

Когда я дошел до грязного сворота к общежитию, была уже совсем ночь, а фонарей в этой части дороги почти нет. Лишь один мигает желтушным больным глазом. Я поплелся по слякотной тропе.

— Эй, ты. Закурить есть?

Я попятился к краю тротуара и угодил правой ногой в какую-то жижу.

— Нет.

— Точно?

— Я не курю.

Парень подошел.

— Правильно. — Он ухмыльнулся. Я так и стоял одной ногой в луже и видел его желтое от света фонаря лицо. Ухмылка у него была, как будто приклеили губы криво.

— Курение убивает, — поведал он. — Правда, не всегда курение. Но убивает, это точно.

Я вновь попятился, левой ногой наступил на какой-то бугор, который под ступней стал мягко проваливаться.

— Ну, нет так нет.

И парень ушел. Просто ушел.

Я выбрался на тропу. Теперь мои ноги были одна мокрая, другая вся в глинистой грязи.

Я прошел мимо первого корпуса общежития ко второму. Стал у двери, достал смартфон и сделал короткий звонок на Дашин номер. Через пять минут она выбежала, как будто ее вытолкнули изнутри. Словно она всех там достала и от нее наконец избавились. Когда она приблизилась ко мне, улыбаясь, этот неподходящий во всех отношениях образ все еще стоял у меня перед глазами.

Она поцеловала меня, и мы отправились, опять по мокрой, грязной тропе, к выходу из двора общежития. Даша без остановки болтала о том, как прошел ее день: как играла сонату для скрипки и фортепиано, как пела сольфеджо, как не решила задачу по гармонии, как была в буфете. Я молчал. Когда показался асфальт нормального тротуара, которым прерывалась грязная тропа, она вдруг сказала:

— А у меня комната свободна до завтра. Светка уехала к родителям на годовщину свадьбы.

И мы пошли обратно.

* * *

Сначала мы говорили. Говорила Даша, а я слушал. Потом целовались. Потом делали то, что делали...

С Дашей я познакомился полгода назад. Она первая поцеловала меня. А неделю спустя пригласила в свою комнату в общежитии.

И вот сейчас, в который раз за эти месяцы, я смотрел на желтеющий по углам потолок. И думал о том, что комнату многократно топили, да так и не утопили. Или утопили? Окна неподвижны, белесые облупленные рамы. И синюшное небо за холодным стеклом. Эта комната мертва. Комната-утопленник. И теперь в убитой кем-то комнате мы с Дашей...

Чтобы отогнать неподходяще мрачные мысли, я посмотрел на Дашу. Ее лицо освещал дисплей смартфона. Глаза быстро двигались влево-вправо, рот полуулыбался — Даша читала сообщения.

— Мне надо идти, — сказал я и резко вскочил, как будто меня толкнули в спину. Увидел себя в зеркале-обрубке — в таком, какие бывают только в общежитиях и захолустных больницах, их словно наспех вырезают из остатков нормальных зеркал.

Похоже на большой осколок, обточенный по краям. Лицо в нем — какое-то круглоглазое, хотя обычно у меня не такое.

— Куда? Вечер только начался, еще вся ночь впереди. — Она оторвалась от своего смартфона и улыбнулась мне.

— Я кое-что вспомнил, — сказал и тут же действительно кое-что вспомнил. Загадки. Отец записывал их в специальную тетрадь. Вместе с отгадками.

* * *

Открыл дверь своим ключом и тут же услышал:

— Илюша, почему так поздно? Занимался к завтрашнему?

Черт. Завтра же технический зачет по фортепиано.

— Да.

Сдам как-нибудь.

Я разулся, кинул на пол сумку с нотами Баха и двинулся в комнату за стулом. Оставшиеся папины вещи хранились наверху, на антресолях.

Я принес стул, забрался на него. Стал копаться в стопках бумаг — здесь были наши с Викой школьные рабочие тетради, какие-то рисунки, черновики, ученические дневники. Папина тетрадь, насколько я помню, была черной. Я вытащил одну, показавшуюся мне черной, она оказалась темно-синей. Открыл.

«Я словно музыкальный инструмент. Все от меня чего-то хотят. На мне играют: мама, папа, сестра. А когда не нужен — ставят в шкаф. В шкафу могу делать что хочу. Но что в шкафу поделаешь?»

Я люблю рояль. У него много клавиш. Но я не за это люблю рояль. Он как большой черный жук с одним крылом. Если надо — улетит. Но не улетает.

И еще — на нем тоже все играют. Кто приходит в класс репетировать — тот и играет. Как на мне. И его звуки ему не принадлежат, они общие. Слышны даже техничкам, что моют коридоры.

Вот и я такой. Обыкновенный музыкальный инструмент».

Несколько лет назад — не помню, сколько мне было тогда, десять, двенадцать? — я хотел стать писателем. Усиленно строчил рассказы. Представлял, как по почте мне приходит моя книга в твердом переплете. Или лучше в суперобложке. Как я захожу в книжный магазин — а там мои книги на самом видном месте. И удивленная покупательница смотрит сначала на книгу (на спинку обложки, где портрет автора), затем на меня, на книгу, на меня, а потом такая:

— Это вы написали?

А я ей:

— Ну что вы, что вы, просто похож.

— Что-то ищешь? — спрашивает мама.

Я чуть не падаю со стула от неожиданности,

грубо выдернутый из воспоминаний о моем писательском прошлом.

— Свой... э-э-э... дневник ищу.

— Дневник? Личный?

— Да.

— Ты вел дневник?

— Да, — вру я.

— Интересно было бы почитать, — улыбается мама.

— Вот еще, — говорю и вдруг вижу черный корешок. Сразу понимаю: та самая тетрадь. Сердце, как взбесившаяся лошадь, резко срывается и припускает. Смотрю на маму сверху вниз: когда она уйдет? Если при ней вытащу, она все поймет. Подумает еще что-нибудь слезливое: сын соскучился по отцу.

— Мам.

— Ладно, закончишь поиски, ужинать приходи, — машет на меня рукой и удаляется на кухню.

Торопливо достаю тетрадь и с ней скрываюсь в своей комнате.

Между страниц — разноцветные, выровненные временем и весом других тетрадей, что лежали сверху на папиной, — фантики. С загадками. Он сохранял те, что попадались ему. В самой тетради — ровным, округлым, достаточно крупным почерком записаны и пронумерованы все сочиненные им загадки с отгадками в скобках. И с датами, когда придуманы.

Про Тота в тетради не написано.

ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА БОДРОВА

ИМИТАЦИЯ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.01.2026.
Формат издания 84 × 96¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 13,41. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-46366-01-R